

В РОССИИ

ПОЛИТИКА

МОГИЛЬЩИКАМ ЛИБЕРАЛОВ

На прошлой неделе газета «Ведомости» опубликовала первую часть статьи Егора Гайдара «Либерализм: слухи о смерти преувеличены». На самом деле текст, предложенный читателям «Ведомостями», – лишь отрывки из большого концептуального труда Егора Гайдара. Причем, на наш взгляд, далеко не самые яркие и значимые. Кроме того, и название этой статьи (как вы, уважаемый читатель, можете убедиться) иное. Учитывая данные обстоятельства, мы сочли необходимым предоставить вашему вниманию полный текст.

Егор Тимурович включился в полемику, которая развернулась после нашумевшего послания Михаила Ходорковского либералам первого постсоветского призыва. То есть фактически самому Гайдару, чей ответ «коллективному Ходорковскому» убедительно доказывает: с либерализмом в России, может, что-то и не так, но с самой либеральной идеей все в порядке.

*«Входят строем пионеры, кто – с моделью из фанеры,
кто – с написанным вручную содержательным доносом.
Стого света, как химеры, палачи-пенсии
одобрительно кивают им, задорным и курносим,
что врубают «Русский бальный» и вбегают в избу к тятю
выгнать тятю из двухспальной, где их сделали, кровати.
Что попишешь? Молодежь.
Не задушишь, не убьешь».*

И. Бродский¹

¹ И. Бродский. Избранные стихотворения. 1957–1992 гг. М.: 1994. С. 413.

неоднократно повторяли противники российских либералов. Принципиальной новостью было не содержание статьи, а стоящая под ней подпись.²

У человека, воспитанного в традициях русской культуры, тональность статьи вызывает ассоциации со строками пушкинского «Узника»:

*«Сижу за решеткой в темнице сырой
Вскормленный в неволе орел молодой...»*

В темнице автор совершает покаяние, вершит строгий, но справедливый моральный суд. Благословляет: «Президент – это институт, гарантирующий целостность и стабильность страны. И не приведи господь нам дожить до времени, когда этот институт рухнет...» Проклинает: «Фактически сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов. И эта капитуляция конечно же не только вина либералов, но и их беда. Их страх перед тысячелетним прошлым, сдобренный укоренившейся в 90-е годы могучей привычкой к бытовому комфорту. Закрепленная на генетическом уровне сервильность. Готовность забыть про Конституцию ради очередной порции северяжины с хреном. Таким был русский либерал, таким он и остался». В такой ситуации не нужны аргументы. Положение позволяет сказать горькую правду.

Прочитав это, оказался в сложном положении. Согласиться со сказанным невозможно. Полемицировать с тем, что пишет человек, находящийся в тюрьме, не в российской традиции. Занятие это малопочтенное. Чего только не писали и не подписывали миллионы наших соотечественников, находившихся в тюрьмах. В нормальных условиях, прочитав слова о том, что мы думали, о чем не думали, естественно спросить автора, откуда ему это известно, почему он не спросил об этом у нас. Увидев выражение: «Я не хочу сказать, что Чубайс, Гайдар и их единомышленники ставили перед собой цель обмануть Россию» – резонно сказать: не хочешь и не говори. Но не через колючую проволоку.

Когда 6 апреля выяснилось, что Михаил Ходорковский этой статье не писал и на волю не передавал, хотя с ней согласен, ситуация изменилась. То, с чем человек согласен, – его личное дело. Совокупным автором статьи с этого момента становится группа неизвестных нам, но, очевидно, хорошо оплачиваемых товарищей, объединенных под псевдонимом «Михаил Ходорковский» (далее по тексту «группа товарищей»). На эту группу моральный иммунитет узника не распространяется. С тем, что они пишут, можно спорить. Правда, текст приобретает во

многом трагикомический характер. Написать, сидя в уютном московском кабинете: «Те, кому судьбой и историей было доверено стать хранителями либеральных ценностей в нашей стране, со своей задачей не справились. Ныне мы должны признать это со всей откровенностью. Потому что время лукавства прошло – и из каземата СИЗО №4, где я (по-видимому, «группа товарищей». – Е.Г.) сейчас нахожусь, это видно, быть может, чуть лучше, чем из других, более комфортабельных помещений» – это, как говаривал товарищ Сталин, «посильнее, чем «Фауст» Гете».

Здесь можно было бы поставить точку. Как только написанное перестает быть непререкаемым вердиктом морального суда узника, этот набор банальностей становится, если говорить языком Иосифа Бродского, «содержательным доносом». Но учитывая массовое внимание к разразившейся дискуссии, считаю своим долгом высказать некоторые соображения по поводу содержания статьи.

Перепевы мотивов, звучавших между 1934 и 1954 годами, очевидны всем, кто знаком с отечественной историей. Есть призывы к либералам осознать свою «моральную ответственность» за дефолт и тезис о готовности разделить ее. Здесь трудно не вспомнить, как в 1935 году, пытаясь избежать расстрела и договориться со Сталиным, Каменев и Зиновьев признали свою «моральную ответственность» за убийство товарища Кирова. Когда слышишь о «безразличии к российскому народу», вспоминаются процессы «вредителей». Слова о том, что надо «оставить в прошлом космополитическое восприятие мира», вызывают устойчивые ассоциации со стилистикой политических кампаний начала 50-х.³ Прочитав фразу из статьи «группы товарищей»: «Надо заставить большой бизнес поделиться с народом», вспоминаешь Михаила Булгакова: «На стенах выскочили красные горящие слова: «Сдавайте валюту!» Очевидна аналогия со стилистикой писем Лаврентия Берии товарищам по Президиуму ЦК. А утверждение, что человек, не писавший статью, но подписавший ее, полностью с ней согласен, неизбежно заставляет вспомнить, как в советские времена люди, не читавшие романа Бориса Пастернака, писали возмущенные письма о том, что совершенно с ним не согласны.

Правда, беспомощная суета вокруг этого текста (сам писал – не сам, проносили в камеру на подпись – не проносили) показывает, что профессиональные навыки в проведении подобных спецопераций за последние десятилетия во многом

Егор ГАЙДАР

Статья «Кризис либерализма в России», подписанная Михаилом Ходорковским и опубликованная 29 марта, вызвала оживленную дискуссию. Даже те, кто с восторгом принял изложенные в ней соображения, обратили внимание на банальность сказанного, на то, что все это

² Известный политолог Сергей Марков говорит: «Я думаю, что Михаил Ходорковский опубликовал статью, где рассказал очевидные, банальные вещи. В этом смысле статья совершенно банальная. Но колоссальная новость заключается в том, что один из видных представителей российского либерализма наконец, после десятилетий, признал эти банальности». См.: «Страна. Ру»: <http://www.strana.ru/stories/03/12/10/3446/211404.html>

³ «В одной газетке – сплетнице, газетенке – потаскухе, занятой чем угодно, кроме своего прямого дела – литературы, кто-то шепнул ядовитое словцо – космополит. И слово было найдено! Прекрасное гордое слово, объединявшее мир, слово, которым венчали гениев самой широкой души – Данте, Гете, Байрона, – это слово в газетенке слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить – жид». См.: Солженицын А.И. В круге первом. Т. 2. М.: Новый мир, 1990. С. 175.

утрачены.⁴ Здесь трудно не согласиться с самокритичными словами «группы товарищей»: «И, перефразируя знаменитые слова Сталина, сказанные в конце июня 1941 года, мы свое дело прос...ли». Где уж тут ловить Басаева – с таким пустяком не справились.

Во всем происходящем есть сильная фарсовая составляющая. История, как писал Маркс, повторяется, но первый раз как трагедия, а второй раз как фарс. Правда, опыт почти полутора веков, прошедших с тех пор, показал, что и фарс может быть кровавым. Но есть в этой дискуссии и серьезное содержание, чаще всего не высказываемое публично, а только подразумевающееся, вытекающее из стилистики происходящего. В первую очередь это все, что связано с судьбой демократии в России. Попытаемся разделить два этих сюжета. Сначала выскажу свою точку зрения на фарс, затем – на те ключевые проблемы политического развития России, которые оказались в повестке дня.

Русский фольклор знает образ Ивана, не помнящего родства. Когда читаешь и слушаешь многих комментаторов, участвующих в нынешней дискуссии, он встает перед глазами. Картина мира «группы товарищей» своеобразна. В ней жестко разграничены два периода. Период, когда у власти находился президент Борис Ельцин, проводивший со своими реформаторами антинародную политику. И время, которое началось с приходом новой власти, когда жизнь стала налаживаться. Новая эпоха возникает неожиданно, выходит прекрасной, как Афродита из морской пены. К сожалению, ни люди, ни экономико-политические системы так не рождаются. То, что создание нового – процесс мучительный, неплохо известно.

Эти два периода российской истории неразрывно связаны. Чтобы существовала российская рыночная экономика, в которой доминирует частная собственность, свободные цены, конвертируемая валюта, шестой год продолжается экономический рост, накоплено почти 85 млрд долларов валютных резервов, нужно было сначала создать эту рыночную экономику, ввести конвертируемую валюту, сформировать частную собственность. Представить себе мир, в котором можно одним махом перепрыгнуть из осени 1991 года, когда Советский Союз обанкротился, признал себя неспособным выполнять обязательства по 100-миллиардному долгу, валютные резервы равнялись нулю, старые структуры управления, основанные на тоталитарной

власти правящей партии, уже не работали, а новые – рыночные, демократические – еще не работали, прямо в 1999–2000 годы, нелегко.

Специалистам известно, что глубокие структурные реформы в большинстве слу-

Общественное сознание имеет свои законы: люди, как правило, не склонны благодарить правительства за улучшения, но убеждены в их ответственности за потери

чаев дают результат с временным лагом. Требуются годы, чтобы их влияние сказалось на макроэкономических показателях. Сегодня трудно спорить с тем, что ускорение экономического роста в США, повышенные конкурентоспособности их экономики в 90-х годах тесно связаны с преобразованиями, проведенными еще при Рональде Рейгане, – дерегулированием, налоговой реформой. Ждать результата пришлось десятилетие. Откуда убежденность участников дискуссии в том, что мы в этом отношении исключение, – не понятно.

Сколько бы ни были различны человеческие качества, личные убеждения, приоритеты, политический стиль первого и второго президентов России, ельцинский и путинский периоды российской истории – часть единого процесса политико-экономической трансформации.

Один из ключевых тезисов статьи – вина либералов. Некоторые участники дискуссии говорят о ней, потирая руки от восторга. Цитируемый выше Сергей Марков в ответ на вопрос, считает ли он, что либералы постепенно поймут, что многое они проиграли по собственной вине, отвечает: «Не очень многое, а 100% по собственной вине. И в чем состоит эта вина – конкретно названо. Ходорковскому (по-видимому, «группе товарищей». – Е.Г.), как видите, понадобилось полгода посидеть в тюрьме, чтобы это осознать. Я думаю, что другим, поскольку они в тюрьме не сидели, это понять будет сложнее. Но тоже думаю, что сейчас начнется глобальное принятие этой точки зрения».⁵

Салтыков-Щедрин в свое время широко использовал в своей прозе собирательный образ «бонапартистов». Он пишет: «Под «бонапартистом» я разумею вообще всякого, кто смешивает выражения «Отечество» с выражением «Ваше превосходительство» и даже отдает второму предпочтение перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай».⁶ Ход обсуждения письма «группы товарищей»

еще раз подтверждает, что классик русской литературы знал нашу страну. Во торг, с которым значительная часть комментаторов включилась в обсуждение поставленного проблем в стилистике «а: его, ату!», позволяет предположить, что

они плохо помнят, как сложилась судьба тех, кто организовывал первые сталинские процессы на врагами народа. Так же как и многих из тех, кто

громче всех им аплодировал.⁷

Поражение на выборах всегда неприятно. Неснимаю с себя ответственности за него... Только делать из этого поражения вывод о крахе либерализма в России глупо.

Проигранная битва – не проигранна война. Сколько раз уже за последние годы либерализм хоронили. И после поражения «ДВР» на выборах 1995 года. И во время пр

вительства Евгения Примакова. Тогда тоя было опубликовано немало материалов подписанных кающимися олигархам. Российский либерализм напоминает птицу феникс. Все норовит восстать из пепла. Видимо, потому, что спрос на политическую и экономическую свободу в России ест

⁴ Глава РСПП Аркадий Вольский: «Через людей, близких к Ходорковскому, я получил от него подтверждение, что статья написана им, и он работал над этой публикацией целый месяц». См.: «Нефть и Капитал», 2 апреля 2004 г. (www.oilcapital.ru). «В результате служебного расследования мы выяснили, что никакая статья из камеры не выносилась. Статья не писалась Ходорковским и не подписывалась им. См.: «Известия», 8 апреля 2004 г.

⁵ <http://www.strana.ru/stories/03/12/10/3446/211404.html>

⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. М., 1988. С. 9, 10.

⁷ «Опять прав Ходорковский»: («группа товарищей». – Е.Г.) характерные для либералов ложь и цинизм, пренебрежение интересами большинства граждан, надменность и презрение по отношению к собственному народу, нравственная глухота не могли остаться безнаказанными». В. Рыжков (в 90-е годы депутат, член фракции «Выбор России», затем «Наш дом – Россия». «Ведомости», 5 апреля 2004 г.

Значит, будет и предложение. Вне зависимости от того, как будут называться обеспечивающие это предложение структуры и кто будет входить в их руководство.

В цикличности успехов либеральных политических сил и их неудачах Россия не уникальна. Там, где формируются функционирующие демократии, политический процесс после краха социализма всегда идет волнами. Польские демократы и либералы победили в 1989 году и потерпели сокрушительное поражение в 1993-м, добились успеха в 1997 году и потерпели поражение в 2001-м. И все это несмотря на то, что экономические реформы были успешными, уровень жизни по сравнению с социалистическими временами намного вырос. В 2001 году, после того как «Союз свободных», объединивший ведущих польских

двинуть новых людей, обновить политический лексикон. То, что Лешек Бальцерович руководил процессом формирования рыночной экономики и рыночных институтов в Польше, важнее того, что сегодня он возглавляет «Гражданский союз». Кто

Есть немало рабочих, которые в рамках ваучерной приватизации получили имущество, стоящее сегодня больше, чем две «Волги», обещанные когда-то Чубайсом

сказал, что подобная реорганизация либеральной части политического спектра невозможна в России?

Когда «группа товарищей» пишет, что социальная стабильность, социальный мир только и могут быть основой всякой долгосрочной реформы, видно, что в чем в чем, а уж в реформах они ничего не понимают. То, что «всякая перемена, даже пере-

Реформы – всегда перемены, на своих первых этапах болезненные. В чем-то жизнь становится лучше, в чем-то хуже, кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Общественное сознание имеет свои законы: люди в демократических государствах, как правило, не склонны благодарить правительства за улучшения, но убеждены в их ответственности за потери. Так устроена жизнь. Именно

в этом базовая причина регулярных приливов и отливов в симпатиях к тем или другим политическим силам в периоды глубоких реформ.

Вопрос о цене своего пиджака с «группой товарищей» обсуждать не буду. В их устах эта фраза по меньшей мере понятна. Представить себе мультимиллиардера, рассуждающего на такую тему, трудно. Впрочем, к сути дела.

Значительная часть написанного в ходе развернувшейся дискуссии посвящена тезису о том, что «во всем виноват Чубайс». Это утверждение давно приобрело черты народного анекдота. Лучше многих знаю о тех ошибках, которые совершил, о компромиссах, на которые вынужден был идти. Пытались взвешивать цену компромисса, альтернативных последствий принимаемых решений, писали об этом. Каяться в содеянном в сложившейся политической ситуации считаю занятием малоприличным.

Часто обсуждение того, что и как надо было иначе делать в ходе российских реформ, напоминает монолог первой головы дракона из замечательной пьесы Евгения Шварца: «Зачем, зачем я ударил его второй левой лапой? Второй правой надо было».

Автора этой статьи по гроб жизни будут попрекать обесценившимися вкладами. Пенсионеры, потерявшие вклады, не обязаны разбираться в финансовой и денежной проблематике, да и объяснять профессиональные подробности – занятие непростое. Но кто-нибудь из «группы товарищей» мог бы взять на себя труд прочитать хотя бы два-три десятка книг и статей, посвященных этой теме, узнать о денежном навесе – избыточном объеме денежной массы, порождающем дефицит в социалистической экономике, – одной из ключевых проблем постсоциалистического перехода, о ее связи с проблемой обеспеченности вкладов, вспомнить, что возможности ее решения определяются спросом на деньги и размером унаследованных золотовалютных резервов; поинтересоваться тем, где на постсоциалистическом пространстве удалось адекватно решить проблему вкладов. Выяснить: нигде. Лишь после этого пустаться в рассуждения о путях ее решения.

Идея, что это можно было легко сделать, выпустив государственные ценные бумаги в стране, которая только что объявила себя банкротом, где доверие не только

реформаторов, не прошел в парламент, о крахе либерализма в Польше было написано немало. Через два года лидер, сформировавший правительство посткоммунистической партии, признал, что либеральному курсу нет альтернативы. Сама посткоммунистическая партия развалилась. Обновленное либеральное крыло политического спектра – «Гражданский союз» – по социологическим опросам пользуется поддержкой 25–30% населения и имеет неплохие шансы на следующих выборах.

Да, для этого польским коллегам пришлось перестроить свои организации, вы-

мена к лучшему, всегда сопряжена с неудобствами⁸, известно на протяжении веков. Для удовольствия никто реформы не проводит. В подавляющем большинстве случаев к ним приступают, когда другого выхода нет, когда старые структуры общественного устройства не соответствуют изменившимся реалиям, иногда просто разваливаются. Говорить о социальной стабильности как предпосылке реформ, проводимых после краха социализма и банкротства Советского Союза, могут люди, только совершенно не осведомленные о предмете обсуждения.

⁸ Большая книга афоризмов. М., 2002. С. 580.

к государственным бумагам, но и к национальным деньгам равно нулю (рубль, как не все сейчас помнят, тогда было принято называть деревянным), – продукт воспаленного воображения. Выпущенные в такой ситуации ценные бумаги, как понимает любой, хоть сколько-нибудь

смыслящий в финансовых рынках, не стоили бы ничего, вряд ли больше, скорее меньше, чем бумага, на которой они напечатаны. Если учесть финансовое положение в России того периода, государство долгие годы не могло бы их обслуживать. В такой ситуации подавляющая часть населения загроши избавляется от этих бумаг. Они концентрируются в руках небольшой группы финансовых спекулянтов. Когда ситуация стабилизируется, государственные финансы приходят в порядок, валютные резервы растут – выясняется, что вкладчики таки лишились своих сбережений, зато теперь налогоплательщики должны сотни миллиардов долларов владельцам нескольких крупных финансовых групп. Да, чтобы придумать такое, нужно, говоря словами авторов, «пошевелить мозгами».

В Польше ситуация со вкладами с политической точки зрения была легче, чем у нас. Размораживание цен взяло на себя последнее коммунистическое правительство Мечислава Раковского. Гиперинфляция обесценила большую часть вкладов еще до того, как было сформировано новое демократическое правительство. Чтобы сохранить остатки вкладов, Лешек Бальцеревич принял решение о радикальном повышении процентной ставки – сделал то, что мы пытались, но не смогли сделать из-за сопротивления Верховного Совета. Правда, теперь его, видимо, по гроб жизни будут попрекать самоубийствами предпринимателей, которые не смогли вернуть кредит из-за резкого повышения платы за него. Тот факт, что часть вкладов в ходе инфляции была сохранена, в результате проведенных реформ возник рынок, появилась конвертируемая валюта, страна избавилась от дефицита, с которым жила десятилетиями, начался динамичный экономический рост, ставят ему в заслугу гордо реже.

В России осени 1991 года угроза голода, подобного тому, который страна пережила во время первой русской революции (автор имеет в виду революцию 1917 года. – «Еженедельный Журнал»), была вполне реальна. Неоднократно подтверждал сказанное цифрами и фактами. Собственно, чтобы понять это, достаточно перечитать старые газеты. Благодаря проведенным реформам, запуску рыночных механизмов угроза не реализовалась. Но подобное забывается быстро.

Анатолию Чубайсу никогда не забудут неосторожную фразу о двух «Волгах», которые можно будет купить на один ваучер. Есть немало рабочих, занятых на крупных

предприятиях, которые в рамках ваучерной приватизации получили имущество, стоящее сегодня больше, чем две «Волги». Иногда подходят, потихоньку благодарят. Громко сказать, как правило, не решаются. Тот факт, что приватизация государст-

В России осени 1991 года угроза голода, подобного тому, который страна пережила во время революции 1917-го, была вполне реальна

венного жилья в России была бесплатной, более либеральной, чем в Восточной Европе, где и сейчас еще во многих странах люди выплачивают государству долги за приватизированные в начале 90-х квартиры, что рыночная стоимость этого жилья у десятков миллионов людей выше, чем стоимость двух «Волг», легко забылся.

«Группа товарищей» пишет: «Мы (видимо, имеется в виду ЮКОС. – Е.Г.) действительно реанимировали раздавленное последними годами советской власти производство, создали (в общей сложности) более 2 млн высокооплачиваемых рабочих мест». Очевидно, они предполагают, что все это чудесным образом произошло вне связи с реформами приватизации, проведенными ненавистными либералами.

Больше всего упреков, связанных с приватизацией, относится к нефтяному сектору. Напомним, что в этом секторе, тогда еще полностью государственном, до начала реформ добыча стала снижаться с ноября 1988 года. Затем падение добычи стало катастрофическим. Только за 1991 год она сократилась на 54 млн тонн. Сейчас в нефтяном секторе России, где доминируют частные компании, годовой прирост добычи приближается к 50 млн тонн. Для этого там должны были возникнуть хорошо организованные частные компании, управленческие структуры, адекватные условиям рынка.

Сегодня в России рыночная экономика, конкуренция, конвертируемая валюта, частная собственность – укоренившаяся реальность, принятая обществом. Даже участники нынешней дискуссии не ставят это под сомнение. Спор идет о том, нужно ли переделить собственность. Как правило, в таких случаях говорится о ее переделе в пользу народа. На деле подобные попытки нередко кончаются перераспределением в пользу представителей элиты, близких к действующей власти.

Уже во времена древнего Китая после смены династий земли, принадлежащие старой элите, обычно конфисковывались, нередко под предлогом того, что необходимо передать их крестьянам, восстановить уравнильное землепользование. Чудесным образом они вскоре оказывались в руках тех, кто был близок к новому режиму. К сожалению, тесное переплетение собственности и власти, возможность сохранить собственность, напрямую зависящая от близости к власти, приводит, как пока-

зывает тысячелетний опыт, к блокировке возможностей экономического роста.

* * *

Важнейший вопрос, пусть неявно, но поставленный в ходе нынешней дискуссии, нужна ли демократия России и возмож-

ли она. «Группа товарищей» пишет: «Все эти люди – реже искренне, чаще фальшиво и по заказу, но от того не менее убедительно – говорят о кра-

либеральных идей, о том, что нашей стране, России, свобода просто не нужна. Свобода, по их версии, – пятое колесо в телеге национального развития. А кто говорит о свободе, тот либо олигарх, либо сволоч (что, в целом, почти одно и то же). На таком фоне либералом номер один представляется уже президент Владимир Путин – вед с точки зрения провозглашаемой идеоло-

гии он куда лучше Рогозина и Жириновского. И хочется задуматься: да, Путин, наверное, не либерал и не демократ, но все же он либеральнее и демократичнее 70% населения нашей страны». Вроде бы авторы и не согласны с тем, что России не нужна демократия, но если человек, который, по мнению «группы товарищей», не является демократом, демократичнее 70% населения страны, то до демократии ли здесь? Это действительно самая серьезная проблема, поставленная в ходе дискуссии, при всей фантосности происходящего. Именно по ней стоит таю необходимым высказаться серьезно.

Я по убеждению либерал, уверен, что свобода самоценна. Но обсуждаются не мои убеждения, а реальная ситуация в России. В этой связи надо ответить на явный или не явный сформулированные аргументы наших оппонентов.

Для большей части человечества то, что сегодня называют демократией, – установление новое. Еще три-четыре поколения назад оно было мало распространено в мире. Давно известно, что аграрные общества с низким уровнем доходов, доминирующей долей неграмотного населения, живущего в деревне и занятого в сельском хозяйстве, как правило, традиционные монархии, реже авторитарные режимы; что высокоразвитые постиндустриальные общества – в подавляющем большинстве случаев устойчивые демократии; что перемены, связанные с индустриализацией, урбанизацией и широким распространением образования, – именно то, что порождает политическую нестабильность. Именно на этот промежуточный уровень развития приходится время молодых, нестабильных демократий,

взяв прижизненные памятники. Власть Туркменбаши, пожалуй, самая яркая иллюстрация того, как функционируют такие политические режимы на постсоветском пространстве. При более цивилизованных формах памятников не ставят, но

ний. Авторитаризм в современном урбанизированном грамотном обществе, как правило, вынужден постоянно доказывать, что его режим – временная мера, переходный период, после которого он непременно восстановит демократию.

Сегодня в России рыночная экономика, конкуренция, конвертируемая валюта, частная собственность – данность, принятая обществом

суть дела от этого не меняется. Беда авторитарных режимов⁹ в их внутренней нестабильности.

В условиях урбанизированного и образованного общества надолго убедить людей в том, что человек, поставленный на вершину властной пирамиды недемократическим путем, должен решать, как им жить, – неразрешимая задача. Раньше или

Альтернативный способ решения проблемы политической стабильности – формирование «закрытых», или, что то же самое, «управляемых»

демократий. Это политические системы, в которых оппозиция заседает в парламенте, а не сидит в тюрьме, регулярно проводятся выборы, нет массовых репрессий, существует свобода слова, если она не распространяется на средства массовой информации, имеющие выход на массовую аудиторию, правительство можно критиковать не только на кухне, но и на улице, в газетах, в парламенте. Нет пожизненного диктатора, политическая элита договорилась о механизмах регулярной передачи власти.¹¹ Примеры таких режимов известны: это Мексика на протяжении десятилетий после революции, Италия после Второй мировой войны и до конца 80-х годов, Япония того же периода. Есть все видимые элементы демократии, за одним исключением – исход выборов предопределен, от избирателей на деле ничего не зависит. Гражданин может думать что угодно, но на выборах победит либерально-демократическая партия Японии, она же сформирует правительство. В Мексике преемником президента станет тот, кого он назначил министром внутренних дел. В течение многих лет мексиканская и японская системы правления рассматривались в качестве примера для подражания во многих государствах Латинской Америки и Азии. Именно неспособность обеспечить устойчивое функционирование такой системы нередко становилось базой формирования уже откровенно авторитарных режимов¹².

Развитие событий в России на протяжении последних лет позволяет предположить, что значительная часть политической элиты именно такую организацию политического процесса считает образцовой или, по меньшей мере, пригодной для нашей страны на ближайшие десятилетия. Этот тезис достоин обсуждения. Да, подобные режимы позволяют надолго сохранять политическую стабильность. Эрнесто Че Гевара, человек, неплохо понимающий

социальных революций, неустойчивых авторитарных режимов.⁹ В России на него пришлось две революции XX века.

Один из общеизвестных ответов на вызовы, связанные с отсутствием демократических традиций, относительно низким уровнем развития, – формирование авторитарного режима, основанного на личной власти диктатора. Иногда ему ста-

позже диктатор умирает, бежит или его убивают, памятники сносятся. За этим сыплется вся политическая конструкция авторитарного режима, ставятся под сомнение ранее заключенные контракты, сложившаяся система распределения собственности. Созданные под предлогом обеспечения стабильности, авторитарные режимы сами оказываются источником потрясе-

⁹ Разумеется, можно было бы обойтись и без сносок. Но исходя из гипотезы, что наши оппоненты могут оспорить наши утверждения как голословные, позволим себе их привести. Связи уровня экономического развития и характера политического режима посвящено множество содержательных работ, см., напр.: Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven – London: Yale University Press, 1968; Huntington S.P. *The Third Wave. Democratization in the Twentieth Century*. Norman – London: University of Oklahoma Press, 1993; Lipset S.M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Garden City – New York: Doubleday & Company, Inc., 1960; Lipset S.M. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy*// *American Political Science Review* 53(1), 1959.

¹⁰ *Authoritarian Regimes in Transition*. Binnendijk H. (ed.). Washington, DC: Foreign Service Institute of the US Department of State, 1987. P. IX–XXVI; O'Donnell G. *Introduction to the Latin American Cases*.// G.O'Donnell, P.C. Schmitter, L. Whitehead (eds.). *Transitions from Authoritarian Rule*. Baltimore–Maryland: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 15

¹¹ В некотором смысле смена власти в условиях закрытых демократий напоминает устройство преемственности в Риме периода принципата. Там только оно опосредовалось не контролируемые выборы, а усыновлением наследника. Для современного мира это все-таки экзотика.

¹² Przeworski A. (et. al.). *Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 26, 27.

в революциях, в свое время писал, что революция не имеет шансов на успех, если речь идет о свержении правительства, которое пришло к власти на основе народного голосования, в какой бы степени легитимно оно ни было, и которое сохраняет хотя бы внешние формы конституционной законности.¹³ Именно сохранение видимости политической конкуренции, свободных выборов и конституционного режима – черта, отделяющая «закрытые» демократии от откровенно авторитарных режимов. Однако надо четко понимать политические последствия такого выбора. Характерная черта «закрытых» демократий – широкое распространение коррупции. Сам по себе демократический режим, разумеется, тоже не является гарантией от коррупции. Но его отсутствие делает ее неизбежным элементом политической и экономической жизни.¹⁴

Если учесть, что широкое распространение коррупции в российской власти – явление многовековое, имеет давнюю традицию, вспомнить о безуспешных попытках Петра I справиться с ней мерами административного воздействия, надо понять, какую траекторию развития российской государственности на десятилетия мы задаем, сформировав режим «закрытой» демократии. И никакими ритуальными кампаниями, никакими громкими процессами с этой проблемой не справиться. Она неразрывно связана с характером режима, организацией политического процесса, который формируется в ее рамках.

Еще одна характерная черта «закрытых» демократий – их склеротичность, негибкость. Откровенно авторитарные режимы и эффективно функционирующие демократии бывают способны на проведение глубоких структурных реформ: Чили при Пиночете и Великобритания при Тэтчер – очевидные тому примеры. В закрытых демократиях с течением времени выстраиваются хорошо организованные группы, способные защищать частные интересы, остановить реформы, необходимые для страны в целом, но не выгодные им. Пример Японии, столкнувшейся с одним из самых тяжелых экономических кризисов в конце XX века и оказавшейся неспособной провести необходимые реформы в течение 15 лет – наглядное тому подтверждение. В мире XXI века, где гибкость, готовность менять установки, сло-

жившиеся структуры, реагировать на вызовы времени – важнейший залог успешного развития, способности выдерживать глобальную конкуренцию, выбор в пользу «управляемой» демократии – серьезная угроза устойчивому экономическому росту.

Построить в России действующую демократию, разумеется, сложнее, чем ее муляж. Но эту задачу все равно придется решать

К тому же важнейший фактор конкурентоспособности национальной экономики в условиях постиндустриального развития, если мы не собираемся ориентироваться исключительно на сырьевые отрасли, – способность воспроизводить и сохранять высококвалифицированные кадры. Опыт показывает: те, кто может конкурировать на мировом рынке квалифицированной рабочей силы, в большинстве своем хотят, чтобы их мнение при обсуждении проблем той страны, в которой они живут, было услышано. Формирование режима «закрытой» демократии – прямой путь к консервированию на многие годы процесса «утечки мозгов» из России.

Построить в России действующую демократию, разумеется, сложнее, чем ее муляж. Но эту задачу все равно придется решать. Не надо иллюзий. Мы живем в мире XXI века, а не в мире XVIII. Глобальный характер обмена информацией, быстрые масштабные социально-экономические изменения, современный характер общества не дают шансов на сохранение устойчивых недемократических режимов.

В XX веке мы пережили две революции, каждая из которых дорого обошлась стране. Обе были обусловлены неспособностью элит предшествующего режима про-

вести необходимые реформы. Как люди имевшие прямое отношение к российской революции конца XX века, мы бы очень не хотели, чтобы кому-то пришлось решать те же задачи в XXI веке. России на многие десятилетия хватит революций.

По своему развитию Россия близко подошла к уровню, за которым формирование реально функционирующих демократических режимов, стабильных и устойчивых, и возможно, и неизбежно. Мне приходилось неоднократно обсуждать проблемы сравнительного развития России и Китая с представителями китайской научной и политической элиты. Отношусь с уважением к их высокому профессионализму и квалификации. Многие из них прекрасно понимают, что важнейшая стратегическая проблема, которая стоит перед руководством Китая и решать которую все равно придется, – формирование функционирующих демократических институтов. Что, если не решать ее, политическая дестабилизация неизбежна. Для России, которая уже заплатила немалую цену за формирование пусть мо-

лодых, пока не функционирующих эффективно, но реальных демократических институтов, отказываться от них – значит, сделать стратегическую ошибку, за которую потом придется расплачиваться десятилетиями.

В переводе на язык практических дел это значит, что выход из реально сформировавшегося сегодня режима «закрытой» демократии, восстановление базовых демократических институтов, независимых массовых СМИ, честных выборов, независимой от исполнительной власти судебной системы, реальной политической конкуренции – важнейшая задача, которую предстоит решать в ближайшие годы. В интервью, которое дал сразу после выборов президент Владимир Путин, в качестве первого приоритета второго срока он назвал укрепление демократических институтов в России. В этом мы с ним согласны. Будем стремиться к тому, чтобы этот приоритет был воплощен на практике.

* * *

«Группа товарищей» пишет: «Фактически сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов». Сказать точнее, «хотели бы видеть». Наполеон на Поклонной горе тоже хотел видеть ключи от города. Не увидит. И они не увидят. **ЭЖ**

¹³ Che Guevara. *Guerrilla Warfare*. New York: Vintage Books, 1961. P. 2.

¹⁴ Связи формирования режимов закрытых демократий с широким распространением коррупции, ее укоренением в политической культуре, механизмом, который обуславливает эти взаимосвязи, посвящен большой массив литературы. См., например, Della Porta D. *Actors in Corruption: Business Politicians in Italy*// *International Social Science Journal*. Vol. 48, 1996. P. 349–364; Colazingari S., Rose-Ackerman S. *Corruption in a Paternalistic Democracy: Lessons from Italy for Latin America*// *Political Science Quarterly*. Vol. 113, 1998. P. 447–470; Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. *The Crisis of Democracy*. New York: New York University Press, 1975. P. 127–129.